

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №8/9 02/08/2011– www.afficha.info

Страсти по Жанне и Жилю.

Екатерина Богопольская

«Кровь и розы. Песнь о Жанне и Жиле» - попытка блистательного фламандского режиссера Ги Кассиера разгадать загадку жизни и смерти Жилия де Ре, маршала Франции, сподвижника Жанны д' Арк, впоследствии занявшегося оккультными науками, ритуальным убийством детей и прочее. (Он же послужил прообразом Герцога Синяя Борода). У Кассиера эта история составляет диптих с житием Жанны д' Арк, от встречи с дофином до гибели на костре. Полюс добра и полюс зла, Святая и Демон, соединенные вместе как на средневековой миниатюре.

...Над сценой был развернут тяжелый экран из металла, напоминающий средневековую кольчугу. И когда на нем появятся первые кадры – крупные планы Жанны и Жилия, он начнет колебаться в порывах мистралья., а потом все сильнее и сильнее, казалось что еще немного, и все обрушится в зал вместе со стенами замка. Этот непредвиденный авторами привкус жути, очень подходил к атмосфере действия, словно стихии работали в унисон спектаклю в этот вечер авиньонской премьеры. Мистерию "Кровь и розы. Песнь о Жанне и Жиле" не просто играли на сцене Папского замка, но сами стены замка, современника Столетней войны, тоже становятся в спектакле Кассиера действующим лицом, сообщая всей истории дополнительную притягательность. Постановка Кассиера интересна прежде всего тем, что как и спектакль Митчел, представляет новый жанр - прямая съемка действия, происходящего на сцене, своего рода кино на сцене. То есть не использование видеоэкранов, как одного из элементов действия, что всегда было присуще стилю Кассиера, но все действие на сцене выстроено в соответствии с логикой кино съемки, крупных планов и т. В отличие от Митчелл, кухню съемки, как и действие на сцене, на подмостках гигантской сцены Парадного Двора Папского замка было практически не разглядеть: по- сути, мы видели все только через объектив кинокамеры. Или то, что мы угадывали, и то, что видели на экране, сознательно не совпадало - например, в первых сценах, мы видели хрупкую девчонку в красном платье, а на экране – только крупный план Жанны, одухотворенное взрослое лицо, ничего общего. (Было ли это несовпадение преднамеренным или случайным, мы узнаем только после того, как увидим спектакль на традиционной сцене). Действие становилось собственно театральным всего несколько раз, например, в двух зеркальных сценах процессов, над Жанной, и над Жилем, и в последнем монологе Жилия, обращенном непосредственно в зал, тогда как огромные черные тени застилали весь замок. Крупные планы, как снятые впрямую, так и те, что явно снимались заранее, завораживали, даже если временами казалось, что мы присутствуем не в театре, а на киносеансе. Возможно, перенесенный на обычную сцену (в Одеоне, этой зимой), спектакль выиграет в

театральности. Хотя явно проиграет в общем ощущении мистериальной грандиозности, идущей от самого замка.

Текст пьесы написал постоянный соавтор Кассиерса, драматург Том Лануа. Лануа задается вопросом - как доблестный рыцарь из старинного дворянского рода, сподвижник Жанны, стал изощренным садистом и чернокнижником? И отвечает: Жиль сознательно погружается в ад, бросая тем самым вызов Богу, допустившему страшную, несправедливую смерть его любимой Жанны. И ждет, когда Всевышний положит предел его сатанинским проискам и вострубят ангелы.

Photo Koen Broos

Жиль с неистовством ищет собственного падения, увлекая за собой в бездну сотни невинных.

Юная Жанна, потрясающе сыгранная Абке Харинг, с первых кадров, с того момента, как девочка-крестьянка впервые появится перед дофином,- особая, с самого начала в перспективе роли трагическое предчувствие судьбы. Дофин Карл и весь двор представлены странной вычурной процессией –это мир, растленный любострастием, как на картинах соотечественника Кассиерса, младшего современника Жанны и Жилия, Иеронима Босха. Особенно выделяется образ королевы, очень мощно сыгранный выдающейся фламандской актрисой Кателин Дамен. Имя королевы Изабо Баварской до сих пор окружено во Франции легендой. Ей приписывают много, прежде всего развратность. В манерной Изабо Кателин Дамен все двусмысленно, извращенно, вычурно, вплоть до легкого намека на противоестественность ее отношений с собственным сыном, дофином. Созданию образов немало способствовали странные барочные костюмы, придуманные Тимом Ван Стенбержен: фрезы и воротники, застегнутые булавками в виде человеческих рук, взывали к фантазмагориям Босха. Мир сладострастия и порока и рядом - искренняя предельная чистая вера Жанны. Вспоминалось старинное пророчество друидов: развратная жена Францию погубит, Дева спасет. Жанна Абке Харинг- христианская Святая, как в фильме Дрейера. Черно-белая скупая мощь кадра, музыкальный ряд (здесь поразительные по красоте голоса

Ансамбля Барочной музыки Collegium Vocal из Гента- голоса Жанны и демоны Жилия) тоже отсылали к Дрейеру. Лица Жанны и Жилия, занимающие весь экран- тоже от эстетики фильма Дрейера.

Photo Koen Broos

Постоянные крупные планы придают особую эпическую эмоциональную нагрузку происходящему, и одновременно создают ощущение абсолютной близости с персонажами. Если в облике Жанны явственно влияние Дрейера, в чертах грандиозного актера Джохана Лейзена невозможно не увидеть парафраз с Максом фон Сюдовым из Бергмановской «Седьмой печати». Парадоксально, но этого Жилия де Ре многое сближает с Жанной, прежде всего страстная вера и столь же страстный вызов. Здесь покаяние - истинное, в смерти и страдании он находит все таки путь к Жанне.

Бунт Жилия де Ре можно суммировать словами рыцаря из «Седьмой печати», не случайно так будоражит сходство актера с фон Сюдовым: «Я проклинаю его (то есть Бога-Ек.Б.) и хочу вырвать из своего сердца, но не могу от него избавиться! Я взываю к нему во мраке ». Жиль Джохана Лейзена -отступник, раскаявшийся грешник, ищущий Бога в отрицании.

Наверное, мистериальный характер разыгрываемой драмы – самая большая удача Тома Лануа. Гораздо более сомнительным кажется принцип зеркального отражения между двумя частями, придуманный фламандским драматургом, объявившим, что искал не исторической точности, а исторической правды. Неожиданная параллель между судьбами двух героев опирается на утверждение о том, что оба всего лишь игрушки в игре политических интересов, и прежде всего церкви. Церковь пользуется Жанной, явившейся в роковой для Франции момент, когда решался вообще вопрос быть ей или не быть. Именно церковь способствует производству и распространению мифа Жанны, наподобие современных политтехнологий, а потом уничтожает ее, когда та становится обременительной для ее финансовых интересов. Более конкретно, в момент появления Жанны, именно церковники вспоминают о пророчестве друидов о Деве, которая выступит спасительницей Франции и предлагают дофину использовать эту легенду. чтобы сломать англичан : кто посмеет выступать против посланницы Небес? Историческое лицо, Епископ Кошон, главный церковный обвинитель Жанны, здесь выступает еще и как человек, лично заинтересованный в ее смерти: после коронации дофина в Реймсе, ее роль заканчивается, и ей предлагают почетную отставку, в том числе все церковные доходы от реймского епископата. Но поскольку Жанна, которая желает продолжать войну за освобождение, мешает своим экстремизмом всем, в том числе и королю, никто не помешает епископу избавиться от нее. Потом та же схема с легкими изменениями

предлагается для Жиля де Ре- его злодеяния терпели, пока это было выгодно, прежде всего с финансовой точки зрения (Ре- один из самых богатых людей своей эпохи), и только когда он перестал приносить баснословные доходы церкви, она неожиданно обнаружила каким странным занятиям предавался в своих замках Жиль. Кстати, до сих пор, вопрос о виновности маршала однозначно не доказан, все это дело окружено тайной, в частности, до сих пор неизвестно, почему инквизиция отпустила итальянского монаха Прелати, главного чернокнижника, инициатора всех ритуальных убийств, а также возлюбленного Жиля? В спектакле Кассиерса Прелати фигура и вовсе двойственная – роль монаха играет та же Абке Харинг, что сыграла Жанну. Конечно, легкий мотив эротического соблазна присутствовал в обожании, которым окружил Жиль де Ре –Джохан Лейзен свою юную спутницу по оружию. Но отсюда параллель, делающая из красавчика монаха вторую Жанну для него, все таки сильно преувеличена.

По сути спектакль, сыгранный актерами театра из Антверпена, послужил таким мощным финалом заканчивающемуся фестивалю, что нынешним директорам простили все накладки программы. К тому же кандидатура англичанина Саймона Мак Берни, одного из самых ярких режиссеров Европы, из круга ближайших учеников Брука, на пост ассоциированного директора для Авиньона 2012 вызвала всеобщее удовлетворение.